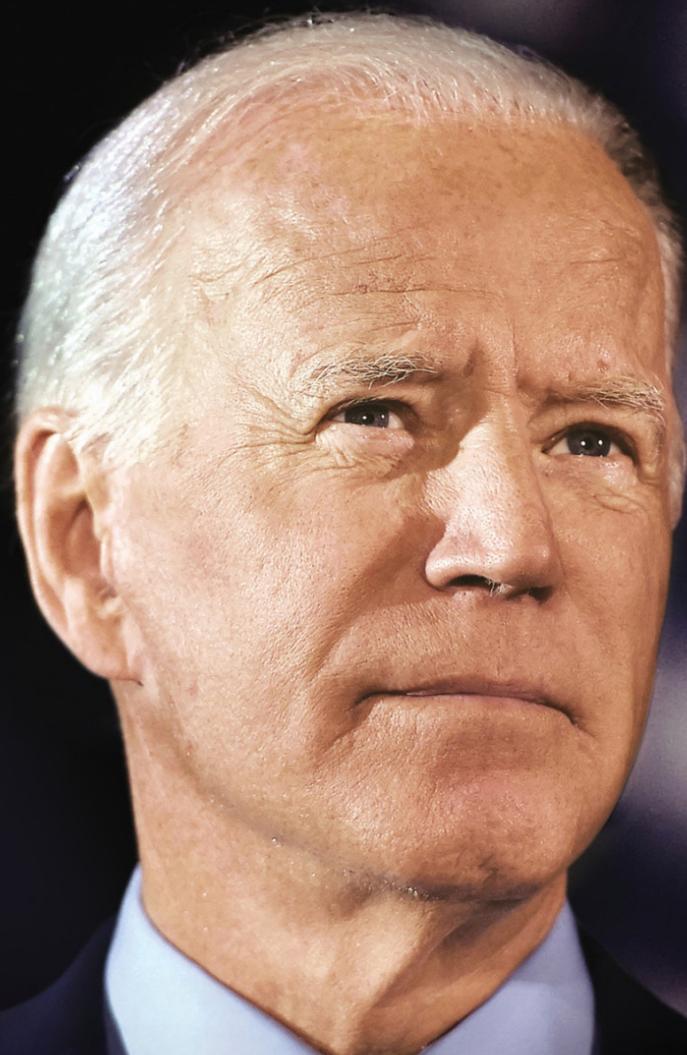

С Д Е Р Ж А Т Ь
О Б Е Щ А Н И Я

ДЖО *46-й*
ПРЕЗИДЕНТ США
БАЙДЕН

NEW YORK TIMES BESTSELLER

«Лев американской истории». Барак Обама

Автобиография великого человека

Джо Байден

**Сдержать обещания.
В жизни и политике**

«ЭКСМО»

2008

УДК 929(73)
ББК 66.3(7Сое)-8

Байден Д.

Сдержатъ обещания. В жизни и политике / Д. Байден — «Эксмо»,
2008 — (Автобиография великого человека)

ISBN 978-5-04-118770-5

Впервые Джо Байден, недавно избранный 46-й президент США, откровенно рассказывает историю своей необыкновенной жизни и карьеры. С присущей ему прямоотой и остроумием Джо Байден делится личными трагедиями, болью и радостью. С детства он страдал от заикания, но поборол недуг и в возрасте 29 лет стал одним из самых молодых сенаторов в американской истории. Потерял жену и годовалую дочь в автокатастрофе, был на грани смерти из-за аневризмы в мозге, но сумел найти в себе силы жить и бороться дальше, став 47-м вице-президентом США. Новая ужасная трагедия постигла семью Байдена в 2015-м – умер от рака его старший сын Бо. Но и это не сломило волю уже совсем немолодого мужчины. После изнурительной предвыборной гонки он был избран новым президентом США в возрасте 78 лет. О личных принципах, позволивших стойко сносить удары судьбы и идти к своей цели, несмотря ни на что. Об ошибках и неудачах. О приобретенном жизненном опыте. Об отношениях с мировыми лидерами от Никсона до Обамы, от Леонида Брежнева до Владимира Путина. Об этом и еще многом другом книга Джо Байдена «Сдержатъ обещания». Это увлекательная и полная драматизма история человека, терявшего близких и совершавшего ошибки, но раз за разом возвращавшего себе силы и смысл жить дальше, нашедшего настоящих друзей и новую любовь. «Увлекательная личная история». – The New York Times «Отличное чтение... Байден - мастер рассказывать истории, и у него много есть того, что стоит прочесть». – The Christian Science Monitor В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 929(73)
ББК 66.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-04-118770-5

© Байден Д., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	8
Глава 1	16
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Джо Байден

Сдержатъ обещания. В жизни и политике

Маме и папе, которые остались верны своим обещаниям

*Лес дивен: мрак и глубина.
Но обещаниям верна
Душа. И много миль до сна.
И много миль еще до сна¹.*

Роберт Фрост

Joe Biden Promises to Keep: On Life and Politics

Copyright © by Joe Biden, 2008

Фотография на обложке: © Olivier Douliery / AFP / East News

- © Бабейкина Д.А., перевод на русский язык, 2021
- © Жирнова Д.А., перевод на русский язык, 2021
- © Москвичева А.Н., перевод на русский язык, 2021
- © Проворова И.А., перевод на русский язык, 2021
- © Степанова Е.А., перевод на русский язык, 2021
- © Яковлева Н.А., перевод на русский язык, 2021
- © Янушевская М.Н., перевод на русский язык, 2021
- © Млечин Л.М., предисловие, 2021
- © Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Удивили нас американцы, избрав после экстравагантного Дональда Трампа скучноватого Джо Байдена! Но они не о нас думали, о себе. Такая система – постоянно менять президентов: пусть теперь другой попробует.

Трамп играл не по правилам. Байден – традиционалист.

– Я первый президент за последние сорок лет, который знает, что это такое, когда твой сын несет службу в зоне боевых действий, – объяснил Байден, почему он принял решение вывести американские войска из Афганистана.

Его старший сын Бо когда-то добровольно отправился в Ирак. Семейные драмы Байдена известны всем. Он потерял жену, дочь, сына... Пережитое им горе, не скрываемая им боль, душевная чуткость вызывают симпатии.

Он придает частичку человечности все более бесцветному, управляемому деньгами и голым расчетом политическому процессу. Немодно, но симпатично. На фоне расчетливой непрозрачности его предшественника, дворцовых интриг и культа личности.

Байден – самый старый президент в истории страны. Но когда-то он стал самым молодым сенатором в Америке. Ввязался в борьбу, не имея ни денег, ни политических связей, ни команды. И победил опытного и влиятельного соперника, потому что напрямую обратился к избирателю. Разговаривал с людьми на улицах и в торговых центрах, выслушивал их, отвечал на вопросы. Понравился: простой парень! Избиратели родного штата голосовали за него вновь и вновь. Он не проиграл ни одни выборы.

Байден – не теоретик, он уличный политик. Его отец торговал автомобилями, и Байден знает, как продавать товар. Может ляпнуть что-то смешное и нелепое, но американцев это не смущает: да он такой же, как все!

Какие у него планы?

Большинство населения Соединенных Штатов верит: «Мы, американцы, способны решить любые проблемы и добиться всего, чего хотим! Покажи, куда ты нас ведешь! Нарисуй картину будущего! Пробуди в нас надежду!»

Джо Байден намерен войти в историю как второй Франклин Рузвельт, реформатор, преобразивший страну после тяжелого экономического кризиса. Байден представил амбициозный план перестройки национальной инфраструктуры и создания миллионов новых рабочих мест. «Мы создадим самую сильную и самую инновационную экономику в мире, – обещал Байден. – Такие перемены совершаются раз в поколение».

Президенты ведут борьбу за голоса избирателей поэзией, а управляют страной прозой. Хватит ему сил?

Самые славные страницы истории Соединенных Штатов творились президентами, которые были тяжело больны, слепы, иногда даже близки к самоубийству – это Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт, Джон Кеннеди...

Первые восемь президентов США были весьма не юными джентльменами – в те времена, когда продолжительность жизни мужчин не достигала и сорока лет. В большую политику пробиваются долгожители? Джеральд Форд дожил до 93 лет. Джордж Буш-старший до 94 лет. Джимми Картер отметил 96-летие...

Солидный возраст – это шанс использовать знания и опыт, накопленные за всю жизнь, чтобы делать то, к чему всегда стремился.

Способен ли Байден добиться успеха?

Ответ в книге, которую он написал о себе.

*Леонид Млечин,
писатель, историк, телеведущий*

Пролог

С первым принципом политики, ее основополагающим принципом, я познакомился еще в 1950-х, на кухне у бабушки, когда мне было лет двенадцать или тринадцать. Мы с родителями незадолго до того переехали в Делавэр, но почти каждую пятницу вечером мама и папа сажали меня, сестру Вэл, брата Джимми и малыша Фрэнки в машину и ехали в Скрэнтон, штат Пенсильвания, где мы проводили выходные в доме бабушки Финнегана. Суббота была целиком в моем распоряжении, и я играл со своими старыми друзьями из соседнего района в бейсбол, баскетбол, в полицейских и грабителей. В перерывах между играми мы направлялись в сторону Грин-Ридж-Корнерс, заходили в магазинчик Handy Dandy – за пульками для пистолетиков, а еще в Pappsy или Simmeу – за конфетами (они там продавались поштучно). Магазин Simmeу располагался по соседству со страховым агентством Джозефа Уолша; в его витрине можно было увидеть распятие. Это нас вовсе не удивляло. Многие покупатели в магазинах Грин-Риджа были, как и мы, католиками ирландского происхождения. Мы об этом просто не задумывались. Нам казалось, что большинство детей в нашем районе были католиками, и все мы знали, какого поведения от нас ждут. Если в субботу, когда мы шли в Simmeу, на улице нам попадалась монахиня, мы приподнимали головные уборы и говорили: «Добрый день, сестра», – и всегда придерживали ей дверь. Священники в тех местах встречались часто – и пользовались заслуженным уважением. Дед мог причитать, что монсеньор Воан всегда просит пожертвовать на церковь еще немного, но любой житель Грин-Риджа, проходя мимо священника, всегда почтительно приветствовал его: «Добрый день, Отец».

Многие лавки и конторы в Грин-Ридже появились за пятьдесят лет до описываемых событий. Тогда в этот район начали ходить троллейбусы, так что ирландцы из густонаселенных районов получили возможность приезжать сюда с семьями, чтобы подышать свежим воздухом и прогуляться среди зелени. В некоторые из тех магазинов ходила еще моя мама, когда была маленькой.

Потратив мелочь, отложенную на сладости, в магазине Simmeу, Чарли Рот, Ларри Опп, Томми Белл и я отправлялись в кинотеатр Roosie. Там за двенадцать центов можно было сходить на сеанс из двух фильмов, и мы обычно смотрели вестерны или «Тарзана».

Если после фильма у нас оставалось время, мы заходили в лавку Томпсона. Он держал там живую обезьяну, так что заглянуть к нему стоило в любом случае, даже если на сладости денег уже не было. Иногда мы стояли перед витриной Evelyn and E-Paul и ждали, когда мимо нас проплывет душистое облако, пропитанное ароматом карамели и мороженого. А когда солнце начинало клониться к закату, Чарли, Ларри, Томми и я шли домой, по Ист-Маркет-стрит к реке Лакаванна. На нашем берегу реки деревья были низкие, метра два с половиной в высоту, так что мы, посмотрев «Тарзана», раскачивались на ветках, как будто заново разыгрывая сцены из только что увиденного фильма. Но заманчивее всего было перебежать на другой берег по полуметровым трубам, перекинутым через реку. Мы понимали, что это не самое хорошее занятие: в пятидесятые годы в нашу речку сбрасывали сточные воды, так что была она ужасно грязной. Родители то и дело говорили нам, что так делать нельзя. Но ведь если мы в нее не упадем, никто и не узнает? Разве это смертный грех – пробежать по трубе?

Обычно мы играли у реки, пока не наступало время ужина, и тогда мы спешили домой, по проулку позади Ричмонт-стрит, где стояли в ряд одноэтажные гаражи. Мы с Томми обычно бегали по крышам гаражей, перепрыгивая с одной на другую. «Земля будет трясина. Стоит ее коснуться, и тебя сожрут аллигаторы!» Чарли и Ларри то и дело отправлялись к аллигаторам. Иногда кто-нибудь из жителей Ричмонт-стрит высовывался из окна и кричал нам: «Ну-ка слезайте с гаражей!» В общем, в субботу вечером, когда Чарли, Ларри, Томми и я возвращались наконец домой, за окнами было, как правило, уже темно.

Воскресенье выглядело совсем иначе; этот день полагалось проводить с семьей. Сначала мы отправлялись на мессу. Никто меня не спрашивал, хочу я туда идти или нет. Весь клан Финнеганов дружно следовал в католический храм Святого Павла, и церковь эта казалась нам почти родным домом. К тому времени я уже успел разобрать вопросы балтиморского катехизиса: «*Кто нас создал? Кто есть Бог? Что такое Дух? Что мы подразумеваем, когда говорим, что Господь всемогущ?*» И ответы: «*Ибо слово Господне право и все дела Его верны. Он любит правду и суд; милости Господней полна земля*». Я мог рассказать наизусть почти весь катехизис. Я знал наизусть молитву Господню и апостольский Символ веры. Я уже впервые исповедался. Дедушка Финнеган научил меня читать молитвы по четкам. И каждый вечер, когда я заходил поцеловать его перед сном, он напоминал мне: «Джо, трижды прочти “Аве Мария”, ради чистоты». Только много позже я понял, что имеется в виду целомудрие. А тогда мне казалось, что он говорит о благородстве, о чистых помыслах – об этом я слышал на проповедях в церкви Святого Павла. Речь в них шла не столько о том, чтобы быть праведным, сколько о том, что нужно творить добро.

После мессы Финнеганы и их друзья собирались в доме моего деда на Норт-Вашингтон-авеню, 2446, в самом конце троллейбусного маршрута. Ужин был уже готов и томился в духовке, так что женщины отдыхали: расположившись за накрытым кружевной скатертью столом в гостиной, они пили чай.

Дедушка же, его соседи-приятели, а иногда и кто-нибудь из товарищей, работавших с ним в *Scranton Tribune*, да еще мои дяди-Финнеганы, которых звали Джек и Бу-Бу, устраивались за кухонным столом. В окна лился солнечный свет, а они сидели и обсуждали спорт и политику. Это были образованные, знающие люди, интересовавшиеся самыми разными вопросами, – и они страсть как любили спорить. Споры их касались местных дел, ситуации в штате, событий в мире, конфликта Трумэна и Макартура, сложных отношений между Трумэном и сталелитейными компаниями. Они, рабочие или сыновья рабочих, поддерживали демократов, были за Трумэна, но признавали, что он, наверное, зашел слишком далеко, когда попытался захватить Youngstown Steel. Правильно, пожалуй, Верховный суд дал ему отпор. Президент должен быть президентом, а не диктатором. Это не по-американски. Но, по крайней мере, он все делал в открытую. Это им и нравилось в Гарри Трумэне: никакого притворства. Он знал, чего добивается, и не боялся сказать об этом. Компания за дедушкиным столом не доверяла новому демократическому лидеру, Эдлаю Стивенсону. Его они считали каким-то мягкотелым. У Эйзенхауэра в их глазах была презумпция невиновности; в конце концов, он был героем войны. Мой отец, который в этих разговорах участвовал мало, Айку доверял, ведь тот сумел выиграть в переговорах конкурирующих друг с другом западных союзников, где столкнулись и их национальные интересы, и амбиции таких крупных политических деятелей, как Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль, Шарль де Голль, фельдмаршал Монтгомери, генерал Паттон. Папа считал Эйзенхауэра человеком основательным, настоящим лидером. Но у Финнеганов политика Айка вызывала возражения.

Я чувствовал, что меня со страшной силой тянет на кухню к дедушкиной компании. Постоянно находиться там мне пока не полагалось, мол, мал еще, но время от времени я устраивался неподалеку и слушал, против этого спорщики не возражали. Даже когда речь заходила о местной политике – о событиях в Скрантоне и в округе Лакаванна – и разгорались бурные споры, меня никогда не прогоняли. В одно из таких воскресений, помню, они обсуждали местного политика по имени Патрик, ловкого ирландского дельца, действовавшего в интересах общины, рабочих, соседей и собственной семьи (последней в особенности!). Полагаю, лоббистские решения Патрика, даже тогда, когда он был у власти, часто оказывались в центре внимания местных газет. Те, кто помоложе, считали, что Патрику пора уйти на покой, а демократам в Скрантоне – начать учитывать веяния времени. Но мой дед, как я заметил, Патрика защищал, как бы ни ругали его собравшиеся. Однако в какой-то момент дедушка перестал

выступать в его защиту и сделал то, чего никогда раньше не позволял себе на этих воскресных диспутах: он повернулся ко мне и сказал:

– Джо, ты хотел бы знать, почему твоему дедушке нравится Патрик.

– Нет-нет, дедушка. Нет.

– А тебе, мой дорогой, нравится Скрантон, правда?

Какого ответа он ждал от меня? За столом дедушки Финнегана не соврешь. Уильям Скрантон казался мне воплощением честного гражданина. Он был из тех людей, которых уважал мой отец. Его предки основали наш город. На войне он, как и мой дядя-герой, служил летчиком. Скрантон получил хорошее образование и занимался общественной деятельностью.

– Ну да. Да, дедушка. Он мне нравится.

– Джо, дай-ка я тебе объясню, чем Патрик отличается от Билла Скрантона. Когда я прошу Патрика чем-нибудь мне помочь, он может ответить «да», но может ответить и «нет». Он может посмотреть на меня и сказать: «Прости, Эмброуз. Должен тебя огорчить». И я это переживу. Патрик все, что думает, говорит мне прямо в глаза. Иногда я с ним не соглашаюсь, но он меня уважает и честен со мной.

Дедушка подозвал меня к себе, обнял за талию и притянул ближе.

– А ты знаешь, Джо, где живет семья Скрантона? – Я вполне представлял себе, в каком доме могут жить Скрантоны. Наверняка в особняке. Дед сказал: – Я могу позвонить прямо сейчас и сказать: «Мистер Скрантон, это Эмброуз Финнеган из *Tribune*. У меня есть одна проблема. Можно к вам приехать?» Он ответит: «Конечно. Приезжайте, Эмброуз», – самым вежливым на свете голосом. И вот я поднимаюсь по высокой лестнице, стучу в дверь, появляется его помощник Дживс. Дживс пригласит меня в дом. Возьмет мое пальто. Потом проводит меня в библиотеку и предложит шерри. – Я не знал, что такое шерри, а дедушка не счел нужным пояснить, но, судя по всему, это была какая-то хорошая штука. – И тут, наконец, ко мне выйдет мистер Скрантон и скажет: «Эмброуз, чем могу быть вам полезен?» И я расскажу ему о своей проблеме. А он ответит, что будет рад помочь.

И тут дедушка ударил меня между лопаток. Так сильно, что я вздрогнул. Я было решил, что он рассердился на меня, что я его чем-то огорчил. Кровь прилила к моим щекам. Но дедушка продолжал свой рассказ:

– «Эмброуз, – скажет он, – я с радостью вам помогу».

И только когда я, Джо, возьму пальто, выйду за дверь и спущусь на первый этаж, я почувствую, что по спине моей стекает тонкая струйка крови.

– Знаешь, как мы, ирландцы, такое называем, Джо? – сказал один из моих дядей. – Мы говорим: пинок от благородных ножек.

Дедушка даже не взглянул на него. Пристально глядя мне в глаза, он продолжил:

– Запомни, Джо: такие люди, как Скрантон, никогда бы не поступили со своими друзьями в загородном клубе так, как они могут поступить с нами на улице. Они думают, что заниматься политикой – ниже их достоинства. Они думают, что политика существует только для поляков, ирландцев, итальянцев и евреев.

Я знал, что Эмброуз Финнеган – демократ, и он, ирландец, имеет зуб на высшее общество вроде Скрантонов, но все же мне не казалось разумным ставить крест на мистере Скрантоне. Отец всегда говорил мне, что нельзя винить человека за то, что он богат. И все же я понимал, что дедушка пытается объяснить мне что-то более важное, чем суть классовых различий.

Он хотел, чтобы я понял две принципиальные вещи: во-первых, что ни один человек и ни одна группа людей не стоит выше других. Государственные служащие должны уважать *каждого*, и не важно, нравится ли им то, что этот человек говорит. И во-вторых, что политика – вопрос личной чести. Когда что-то обещаешь, твой долг это выполнить. Дал слово – держи.

Сколько я себя помню, у меня всегда были самые возвышенные представления о том, какой должна быть политика. И она может такой быть. Я верю, что если занимаешься полити-

кой честно, то сможешь сделать так, чтобы людям жилось лучше. И честность здесь – минимальная ставка, позволяющая вступить в игру. Прошло почти сорок лет с тех пор, как я вступил на этот путь, но я не устаю восхищаться тем, какие возможности несет в себе политика и государственная служба. Признаться, я, как и мой дед, искренне считаю избранную мной профессию благородным призванием.

С самого детства я знал, каким человеком я хочу стать. Эту картину помогли мне нарисовать в своем воображении мама и папа, уроки в католических школах, где я учился, а еще истории о нашем семейном герое, дяде Бози, пилоте, сбитом во время Второй мировой войны, и моя собственная вера в то, что в будущем я смогу многого добиться. Подростком и студентом я видел, как меняется моя страна благодаря таким людям, как Мартин Лютер Кинг, Джон Кеннеди, Роберт Кеннеди, и я был потрясен их красноречием, их убежденностью, самим размахом того, о чем они мечтали. Я знал, что хочу тоже вершить эти перемены. Я лишь не знал, как это сделать. Плана действий у меня тогда еще не было, но я все же знал, что приду к этому. Так сложилось, что еще в молодости передо мной открылись замечательные возможности проявить себя в области политики. И когда это произошло, я без колебаний воспользовался ими, потому что уже ясно представлял, что я должен был сделать и как мне вести себя, чтобы использовать их в полной мере.

Когда я вспоминаю свои первые политические выступления, я понимаю, что в начале моей деятельности меня вдохновляли не только Мартин Лютер Кинг или Кеннеди. Не менее важную роль для меня сыграла бесхитростная вера моего дедушки в то, что благополучие нашей стране принесут лидеры, которые прямо говорят о том, что видят: «Люди не знают, кому или чему они могут верить, но больше всего они боятся верить политикам», – сказал я, обращаясь к собравшимся в Hotel du Pont в Уилмингтоне, где я объявил о выдвижении моей кандидатуры в Сенат в 1972 году.

Нам нужны государственные деятели, которые смогут встать и прямо сказать, что они думают... В последние годы страна терпела неудачи *не* потому, что народ не в состоянии справиться с возникающими сложными задачами, но потому, что обе наши главные политические партии не умеют честно и бесстрашно представить эти задачи народу и довериться готовности народа делать то, что нужнее всего для страны. Мы все знаем, – или, по крайней мере, нам так твердят, – что наш народ разобщен. И мы знаем, что в этом есть доля правды. Слишком часто позволяли мы нашим разногласиям стать выше нас. Мы слишком часто позволяли честолюбивым людям играть на этих различиях ради политической выгоды. Мы слишком часто прикрывались нашими различиями, и никто не пытался вывести нас за их пределы. Но все наши различия кажутся такими незначительными рядом с ценностями, которые все мы разделяем. <...> Я баллотируюсь в Сенат потому, что... я хочу, чтобы система снова заработала, и я убежден, что именно этого желают все американцы.

Я верил в это в 1972 году и верю до сих пор. Отцы-основатели создали выдающуюся, блестящую политическую систему, которую поколения американцев, одно за другим, использовали для того, чтобы сделать страну более честной, более справедливой, более ориентированной на человека, более приверженной соблюдению личных прав. В Соединенных Штатах действует самая эффективная и справедливая система управления из всех существовавших в мире. В самой системе нет ничего неправильного по сути; остается каждому из нас приложить усилия, чтобы заставить ее работать.

На меня возложена честь служить этой цели. Я больше половины своей жизни провел на посту сенатора от штата Делавэр. Прошло почти тридцать пять лет, а меня еще больше, чем поначалу, увлекает моя работа, я еще сильнее, чем раньше, предан своему делу. Каждый день вы читаете или слышите о плачевном состоянии нашей национальной политики, о серьезных разногласиях между партиями, где проявляются в первую очередь партийные интересы, и о том, как недопустимо грубо ведется обсуждение тех или иных вопросов. Я не отрицаю этого, но мне, как человеку, который находится на той самой арене, кажется, что в ситуации нет ничего необратимого или фатального. Мы всегда можем изменить мир к лучшему. Я верю в это, иначе я не работал бы в политике до сих пор. Более того, я чувствую, что сегодня у меня для этого больше возможностей, чем за всю мою предшествующую карьеру. Может быть, это потому, что сейчас, после стольких лет моей службы, ко мне действительно прислушиваются.

В истории Сената было лишь несколько десятков человек, служивших в нем дольше меня. Когда меня избрали в 1972 году, мне было двадцать девять, так что мне еще пришлось дожидаться следующего дня рождения, чтобы принять присягу. Я еще застал сенаторов-«гигантов». Возможно, они были не лучше и не хуже тех, кто служит сегодня, но всех их, от диксикратов до прогрессистов, хорошо знали в стране: Джеймс Истленд, Сэм Эрвин, Джон Стеннис, Барри Голдуотер, Уоррен Магнуссон, Стюарт Саймингтон, Джейкоб Джавитс, Генри «Скуп»² Джексон, Абрахам Рибикофф, Филип Харт. И лучшие из них, такие как Майк Мэнсфилд и Хьюберт Хамфри, заслужили для Сената уважение американского народа. Когда я впервые оказался там, я ощутил благоговение, и это чувство не покидает меня до сих пор. И сейчас, тридцать пять лет спустя, у меня все еще мурашки бегут по коже, когда я выхожу на Union Station и вижу купол Капитолия.

Я начал подниматься с самой нижней ступеньки: помню, мне, как самому младшему, дали такой крошечный кабинет, что моим сотрудникам приходилось подниматься с мест, когда кто-то приходил, потому что иначе дверь было не открыть. Тогда я намеревался служить в Сенате полгода, не дольше. Но в результате я продержался так долго, что успел побывать, в разное время, председателем судебного комитета и комитета по международным отношениям. За шесть сроков, которые я был сенатором, многое изменилось: что-то к лучшему, что-то к худшему. Я служил с последними сторонниками сегрегации из южных штатов, а потом стал свидетелем того, как принесли присягу Кэрл Мозли-Браун и Барак Обама. В 1973 году у нас не было ни одной женщины-сенатора. Сегодня их шестнадцать, и у одной из них есть серьезные шансы занять в будущем президентский пост. В залах заседаний комитетов, в конференц-залах, в гардеробе и в зале заседаний самого Сената я наблюдал всеобщее падение нравов и растущее нежелание моих коллег посмотреть на мир глазами другого человека. За две кампании я видел, как партийные интересы ставят во главу угла, а еще наблюдал, что деньги все больше получают решающее значение как в предвыборных кампаниях, так и в управлении. Но я также видел тысячи маленьких проявлений доброты в отношении политических оппонентов и сотни поступков, исполненных личного и политического мужества.

Правила и традиции Сената направлены на то, чтобы его члены раскрыли на службе все свои лучшие качества. В начале моего первого срока президенту Ричарду Никсону судьи приказали передать им уотергейтские пленки³, и казалось, что над правительством замаячил конституционный кризис. Президент попросил сенатора Джона Стенниса посодействовать ему в этом деле: прослушать записи, сделать для коллег краткий отчет, но не раскрывать содержание пленок всему Сенату. Стеннис отказался. Он не будет выступать на стороне исполнительной

² Скоор – *англ.* «совок». – *Примеч. пер.*

³ Уотергейтский скандал – разбирательство, в ходе которого была выявлена попытка установить подслушивающие устройства в штаб-квартире Демократической партии в Вашингтоне. – *Примеч. ред.*

власти; пленки с записями должны быть доступны всем. Джон Стеннис действовал принципиально, и его целью было поддержать Конституцию. Я помню, что он сказал в тот день на собрании Демократической партии: *«Я долго и упорно думал о том, в чем состоит моя обязанность. И я решил, что долг чести обязывает меня... Я ведь служу Сенату. Не президенту. Поэтому я не буду слушать эти пленки. Я служу Сенату»*. О себе я тоже могу с гордостью сказать: я служу Сенату. В этой работе я проявляю мои сильные стороны, здесь реализуются мои глубочайшие убеждения.

Я служу гражданам штата Делавэр, но я также служу Конституции и народу. Джордж Вашингтон говорил, что решениям, как чашечке кофе, необходимо слегка остыть, и задачу Сената он видел в том, чтобы «охлаждать» решения, действуя вне сиюминутных политических задач. основополагающие документы страны призывают сенаторов Соединенных Штатов проявлять дальновидность как в национальных, так и в международных делах; решать любые вопросы мудро и взвешенно, идет ли речь о личных или коллективных решениях; защищать меньшинство от разрушительной силы большинства; а также неотступно следить за действиями президента, если он или она превышает пределы своих полномочий. Сенат был создан для этой независимой и сдерживающей роли, и этот почетный долг и эта ответственность стоят превыше партийных споров, в любой день и любое десятилетие.

На посту сенатора Соединенных Штатов я был свидетелем истории (и сам сыграл в ней небольшую роль): война во Вьетнаме, Уотергейт, захват американских заложников в Иране, выдвижение Борка, падение Берлинской стены, воссоединение Германии, распад Советского Союза, теракт 11 сентября, две войны в Ираке, президентский импичмент, отставка президента, президентские выборы, исход которых определил Верховный суд. Я побывал в зонах военных действий по всему миру, я видел, что такое геноцид. Я вел непростые переговоры с Косыгиным, Каддафи, Гельмутом Шмидтом, Садатом, Мубараком и Милошевичем. Я видел, как боролись за президентский пост Никсон, Форд, Картер, Рейган, Клинтон и оба Буша. Я сам участвовал в президентской гонке, финал которой для меня был похож на крушение сошедшего с рельсов поезда, и мне только и оставалось, что подбирать обломки... а потом я чуть не умер от аневризмы сосудов головного мозга. Мне пришлось восстанавливать и здоровье, и репутацию, и карьеру в Сенате. Годы, прошедшие с тех пор, стали для меня самыми плодотворными. Из моих достижений в общественной жизни я больше всего горжусь тем, что содействовал прекращению геноцида на Балканах и обеспечил принятие закона «О насилии в отношении женщин»⁴ в его полной редакции. Если бы я не совершил ничего кроме этого (и если ничего не сделаю в будущем), для меня эти два результата окупают все те трудности и сомнения, которых у меня было немало за мою долгую карьеру.

Я многое узнал о себе за эти годы, но мне кажется, что еще более важное знание я вынес для себя об американском народе – о том, что дает нам повод для особой гордости. В 1972 году, когда я впервые выиграл на выборах и стал сенатором, я часто говорил, что глубоко верю в американский народ, – и говорил это абсолютно искренне. Я не просто провозглашал это в моих выступлениях – я и с женой перед сном беседовал о том же. Я очень гордился нашей предвыборной кампанией 1972 года; мы действовали честно, прямолинейно и справедливо. Я искренне верил, что поступал именно так, как учил дедушка. Предвыборная кампания «Байдена – в Сенат» опиралась на стремление сохранить политику честной, и мне казалось, что эти усилия оправдались. Я говорил об этом со своей женой Нейлией, мы тогда переехали в большой новый дом: *«Я глубоко верю в это, Нейлия. Искренне верю. Верю в американский народ»*. Нейлия всегда была дальновиднее, чем я. *«Джо, – сказала она, – а что бы ты сейчас чувствовал, если бы проиграл?»*

⁴ Violence Against Women Act. – *Примеч. ред.*

Честно признаюсь: у меня нет абсолютной веры в правильность суждений и мудрость американского народа. Все мы люди, и всех нас можно ввести в заблуждение. Когда лидеры не доверяют гражданам, мы не можем ожидать от них правильных решений. Но в *сердце* американского народа я верю и абсолютно убежден в своей вере. Самый ценный ресурс нашей страны – это выдержка, решимость, мужество, элементарная порядочность и непреклонная гордость наших сограждан. Мне знакомы тысячи простых американцев, на чьи плечи легла тяжелая ноша, что сломало бы многих из нас, а эти люди каждый божий день встают и – шаг за шагом – как-то справляются. Причем большинство из них делает это, не требуя для себя каких-то особых привилегий и не призывая никого из них пожалеть, несмотря на то, что многие из тех, кому повезло чуть больше, всегда рады сделать что-то, чтобы облегчить их положение. Я верю в великодушие, решительность и благородство моих сограждан. Я неоднократно в этом убеждался, но наиболее ясно осознал 11 сентября 2001 года, через несколько часов после террористических атак, направленных на Всемирный торговый центр и Пентагон.

В тот момент, когда самолеты врезались в башни, я ехал на поезде из Уилмингтона в Вашингтон, и когда я в то утро вышел со станции метро Union Station, я увидел, как пелена дыма тянется от Пентагона через реку Потомак. Это было невероятно спокойное утро. Почти не чувствовалось ветра. Было так тихо, что я слышал свое дыхание, когда шагал в сторону Капитолия. Меня поразило светившее мне в лицо теплое солнце и ослепительное кобальтово-голубое небо, почему-то без привычных следов от самолетов. А под этим спокойным небом в Вашингтоне нарастала паника. Из Капитолия уже всех эвакуировали. В парке между Капитолием и Union Station толпились сенаторы, члены Палаты представителей и их сотрудники. Некоторые разговаривали по мобильным. Некоторые уже обсуждали вопросы финансирования программы «Звездные войны», той самой, которая была разработана еще при Рейгане. Полиция Капитолия никого не пускала обратно в здание, но для избранной группы должностных лиц на командном пункте, расположенном на верхнем этаже четырехэтажного здания позади Сената, проводили брифинги. Большинство членов обеих палат расположились этажом ниже. Так что я ходил с одного этажа на другой, пытаюсь убедить всех, кто готов был меня выслушать, что мы должны вернуться к заседаниям и показать американскому народу, что мы продолжаем работать. Никто не двинулся с места; лидерам обеих партий внушали, что они должны быть готовы покинуть город. Конгрессмен Боб Брейди, который также призывал наших коллег вернуться на заседание, в конце концов не выдержал и сдался. Он решил, что сможет быть чем-то полезен в своем округе, в Филадельфии, и предложил по пути подвезти меня в Уилмингтон. Мы с Брейди шли среди столпившихся у здания репортеров и чувствовали, как нарастает паника; журналисты, естественно, стремились услышать хоть какие-то комментарии по поводу происходящего. «Сенатор Байден, – сказала мне репортер канала ABC, – сенаторы, с которыми я говорила, и члены Конгресса сказали, что мы сейчас находимся в состоянии войны. Сенатор Шелби, высокопоставленный член комитета по разведке, сказал, что мы сейчас фактически находимся в состоянии войны. Мы должны быть в режиме боевой готовности. А сенатор Чак Хэйгел говорит, что нужно ввести режим безопасности на границах, закрыть наши аэропорты, ввести новые меры по защите государственных учреждений. Что вы можете сказать по этому поводу?»

«Надеюсь, это не так», – сказал я ей и зрителям ее канала.

Я сказал бы иначе. Я бы сказал, что мы столкнулись лицом к лицу с реальностью. Это реальность, о существовании которой мы знали, и мы понимали, что она может настать в любой момент.

Эта реальность, которая в той или иной степени уже проявила себя в других странах. Но если для того, чтобы ответить на вызовы этой реальности, мы должны урезать наши гражданские свободы, отказаться от привычного порядка действий, то получится, что мы действительно проиграли войну.

Ведение же этой войны для нас состоит в том, чтобы показать, что наши гражданские свободы, гражданские права, право быть свободными, свобода передвижений не претерпели фундаментальных изменений... Мы можем многое предпринять, чтобы значительно снизить риск подобных событий в будущем, и при этом не поступиться своей национальной сущностью... Наш народ так велик, силен, сплочен и такую силу обретает в своем единстве и в своих ценностях, что наше единство ничто не может поколебать. И этого не случится. Этого не случится.

К тому времени руководство Сената и Палаты представителей уже убедили отправиться на вертолетах в охраняемое место где-то в Западной Вирджинии. Вице-президента потихоньку увезли в неизвестном направлении. Президент летал из одного безопасного места в другое на самолете ВВС; его убедили, что возвращаться в Вашингтон слишком опасно.

К тому времени, как мы выехали на дорогу, ведущую в Уилмингтону, башни-близнецы уже рухнули, а число погибших в Нью-Йорке оценивалось в пять, шесть, семь тысяч или даже больше. Но когда я вернулся домой и включил телевизор, я понял, что сердце Америки бьется все с той же силой. В больницах Нью-Йорка дежурили врачи и медсестры, готовые оказать помощь раненым. На улицах выстроились длинные очереди: жители Нью-Йорка дожидались возможности сдать кровь, несмотря на слухи о том, что запасов крови уже достаточно. Я видел их лица и понимал, что они рвутся что-нибудь сделать, *что угодно*. Никто не говорил о боевой готовности и не призывал к возмездию. Они просто хотели внести свою лепту. В тот день я снова осознал, что даже тогда, когда лидеры страны в Вашингтоне смолкли, народ Америки оказался на высоте. Я смотрел на тех, кто стоял в очереди сдавать кровь, и не сомневался, что страна поднимется после удара, встретит новый вызов лицом к лицу, и это преодоление сделает ее сильнее.

Для меня это первый принцип жизни, основополагающий принцип, тот урок, который вы не усвоите, внимая наставлениям мудрецов: *Вставай!* Умение жить заключается в том, чтобы подняться, когда тебя сбили с ног. Этот урок нагляден, и я хорошо усвоил его на практике. Я получал этот урок каждый день, пока рос в приземистом двухэтажном доме в пригороде Уилмингтона, в штате Делавэр. Мой отец, Джозеф Робинетт Байден-старший, был немногословен. Я всему учился у него, когда наблюдал за ним. В молодости он пережил тяжелые удары судьбы и знал, что уже не сможет вернуть то, что потерял. Но он никогда не опускал руки. Утром он всегда вставал первым и, чисто выбритый, элегантно одетый, варил кофе и отправлялся в автосалон, на работу, которая ему никогда не нравилась. Мой брат Джим говорил мне, что почти каждое утро слышал, как папа поет на кухне. Отец обладал особой силой духа. Он никогда не сдавался и никогда не жаловался. «Этот мир вовсе не обязан тебе по гроб жизни, Джо», – говорил он, но в голосе его не было злобы. Ему некогда было себя жалеть. Для него было не так важно, сколько раз какого-то человека жизнь отправляла в нокдаун: важно было, как быстро тот снова поднимался на ноги.

Вставай! Он много раз повторял это, и эти слова эхом отзывались и в моей жизни. Мир с размаху швыряет тебя на землю? Мой отец говорил: «*Вставай!*» Лежишь в постели и жалеешь себя? *Вставай!* На футбольном поле получил по заднице? *Вставай!* Получил плохую оценку? *Вставай!* Девушке, которая тебе нравится, родители запретили встречаться с тобой, потому что ты католик? *Вставай!*

Этот призыв звучал и в очень серьезных случаях – когда поддержать меня мог только один голос – мой собственный. Что, сенатор, после операции вы, возможно, не сможете говорить? *Вставай!* Газеты называют тебя плагиатором, Байден? *Вставай!* Ваша жена и дочь... Простите, Джо, мы сделали все, чтобы их спасти, но не смогли. *Вставай!* Провалил экзамен на юридическом? *Вставай!* В школе над тобой смеются, потому что ты заикаешься, Ба-ба-ба-ба-Байден? *Вставай!*

Глава 1

Impedimenta

Джо Импедемента – таким прозвищем наградили меня одноклассники в первом же полугодии средней школы, когда у нас было по два урока латыни в день. Impedimenta – одно из первых интересных слов, которые мы выучили, означало «обоз, мешающий продвижению к цели». Так я стал Джо Импедемента или Джо Дэш⁵. Многие думали, что Дэш – это из-за футбола. Я действительно быстро бегал и приносил команде много очков. Но ученики католической школы для мальчиков обычно придумывают не те прозвища, которыми можно гордиться. Дэшем меня прозвали не за успехи на футбольном поле, а за неудачи в учебе. Моя речь была похожа на азбуку Морзе. Точка-точка-точка-тире-тире-тире-тире. «Эй, ребя-бя-бя-та, з-за-за-за-ткнитесь!»

Заикание было тем самым обозом, который мешал мне двигаться. Оно проявлялось не всегда. Когда я был дома с братьями и сестрой, или болтался с приятелями на улице, или болтал с игроками на футбольном поле, я говорил нормально, но в новой ситуации, или в новой школе, или когда нужно было читать перед классом, или когда я хотел пригласить девушку на свидание, я не мог произнести ни слова. В первый год в средней школе меня из-за заикания освободили от публичных выступлений. Все остальные должны были сделать сообщение на утреннем собрании, встав перед аудиторией из двухсот пятидесяти учеников. А я был освобожден. И все это знали. Может быть, они не придавали этому особого значения – у них были собственные причины для беспокойства, – но я много из-за этого переживал. Меня как будто поставили в угол всем на посмешище. Другие дети смотрели на меня, как на дурачка, и смеялись. Как же мне хотелось доказать, что я такой же, как все. Даже сегодня я помню, какой ужас и стыд я тогда испытывал, как выходил из себя, как будто все это случилось только что. Временами мне казалось, что с таким недостатком мне нечего ждать от будущего. Я боялся, что о заикании напишут в моей эпитафии. Бывало, я спрашивал себя, как мне с этим справиться и получится ли это вообще.

Смешно сказать, но если бы мне дали шанс вернуться в прошлое и вычеркнуть из своей жизни те мучительные дни, когда я страдал от заикания, я бы не согласился. Это бремя оказалось для меня просто даром Божиим. Я нес этот груз и становился более сильным и, как я надеялся, лучшим человеком. И именно то, чему меня все это научило, оказалось бесценным уроком на всю жизнь и помогло в моей карьере.

Я начал беспокоиться из-за заикания, когда еще жил в Скрантоне, штат Пенсильвания, где я ходил в начальную школу. Когда я ходил в подготовительный класс, родители повели меня к логопеду в Мэривуд-колледже, но особых результатов от занятий не было, так что я побывал там только несколько раз. Честно говоря, я не позволял заиканию помешать мне делать то, что для меня было действительно важно. В классе я был младше остальных, а ростом меньше ровесников, но зато я всегда показывал, что ничего не боюсь. На спор я забирался на вершину горячей свалки, раскачивался на веревке над стройплощадкой, пробегал под движущимся самосвалом. Мне достаточно было ясно вообразить, как я что-то делаю, и я уже понимал, что могу это сделать. Мне и в голову не приходило, что что-то будет для меня невозможным. Мне очень не хватало уверенности, когда нужно было говорить, но зато в своих спортивных способностях я никогда не сомневался. Заниматься спортом было для меня совершенно естествен-

⁵ Dash – 1) стремительное движение, бег, рывок (например, в американском футболе стандартный тест на скорость – забег на 40 ярдов – 40-yard dash); 2) тире (dot-and-dash code – азбука Морзе). – Примеч. ред.

ным делом в той же мере, как неестественным для меня было выступать устно. И спорт помогал мне добиться признания – и не только. В игре я ничего не боялся, и даже в те годы, когда я заикался, именно я всегда требовал дать мяч мне.

Кто завершит этот матч? «Дай мяч мне». Команде нужен тачдаун прямо сейчас. «Дай мяч мне». Мне было восемь лет, я обычно оказывался самым маленьким на поле, но мне нужно было получить мяч, и мне его давали.

Когда мне исполнилось десять, мы переехали из Скрантона, где я знал в своем районе каждый уголок, в Уилмингтон, штат Делавэр. Отцу было никак не найти хорошую работу в Скрантоне, а его брат Фрэнк постоянно внушал ему, что в Уилмингтоне с работой дела обстоят лучше. Там братья Байдены провели почти все свои школьные годы, так что отец в некотором роде возвращался домой. А все остальные чувствовали, что предстоит разлука с родными местами. Моя мама родилась и выросла в Скрантоне, но решительно настроила себя относиться к переезду так же, как и отец; она просто не желала смотреть на это иначе. Это прекрасная возможность. Мы начнем все заново. У нас будут новые друзья. Мы переезжаем в совершенно новый район, в новенький дом. Он нам достается не после прежних жильцов. Мы будем в нем первыми. Все казалось прекрасным. Мама и к моему заиканию относилась так же. Она не могла долго переживать из-за трудностей. Джо, ты такой красивый. Джо, ты отличный спортсмен. Джо, ты очень умный. Тебе, мой милый, есть что сказать, и ты просто не поспеваешь за собственными мыслями. И если другие дети надо мной смеялись, что ж, им же от этого хуже. Они просто завидуют.

Она знала, какими жестокими бывают дети. Когда мы переехали в Уилмингтон, она твердо решила, что в школе отдаст меня на класс младше. Мало того что я был младше остальных и маленького роста, но я еще и пропустил много занятий в школе в Скрантоне, в тот год я болел, и мне удалили миндалины и аденоиды. Поэтому, когда мы приехали в Уилмингтон, мама настояла, чтобы я снова пошел в третий класс, и никто из учеников школы Святого Розария не знал, что я повторяю класс по требованию мамы. Так мы начинали новую жизнь в Уилмингтоне.

Собственно, мы переехали на окраину Уилмингтона, в рабочий район под названием Клеймонт, недалеко от границы с Пенсильванией. Я до сих пор помню, как мы ехали в Делавэр. Все это казалось приключением. Папа сидел за рулем, мама – на переднем сиденье, а сзади – мы трое: я, мой брат Джимми и шестилетняя сестренка Вэлери, которая была моим лучшим другом. По Филадельфийской магистрали мы пересекли границу штата, проехали мимо сталелитейного завода Уортов, мимо General Chemical Company и нефтеперерабатывающих заводов. Везде высились трубы, извергающие дым. Мы проехали мимо поселений Уортленд и Оверлук, где тянулись в ряд дома, построенные сталелитейным заводом для рабочих в начале двадцатого века. В Уортленде жили в основном итальянцы и поляки; в Оверлуке – чернокожие. Поселения находились примерно в миле от Бруквью-Апартментс, где и располагался наш новенький домик с садовым участком. Мы свернули с магистрали. Вот мы и дома.

Бруквью напоминал лунный пейзаж. Над районом возвышалась огромная водонапорная башня. Кругом не было видно ни одного дерева. Главная дорога, по которой мы ехали, сделала плавный поворот. В стороне от дороги были «дворы». С одной стороны уже стояли готовые дома, а на другой еще шло строительство. Тяжелая техника стояла среди гор земли и красной глины. Был жаркий летний день, поэтому мы ехали с открытыми окнами. Я до сих пор помню запах этой красной глины, сернистый смрад, доносившийся из недр земли. Когда мы ехали по главной улице к нашему новому дому, мама заметила тесные одноэтажные домики. Они были цвета горчицы. Папа, кажется, увидел, с каким выражением лица мама рассматривала свой новый район.

– Не волнуйся, милая, – сказал он ей. – Мы будем жить не в таком. У нас будет другой дом.

Он остановил машину в конце дороги и указал из окна на большой дом, газон перед которым еще не успели привести в порядок. Наш новый дом оказался двухэтажным, белым, и его украшали тонкие колонны – что-то напоминающее поместье Тара, как мне кажется, – а по сторонам было по одноэтажному крылу.

– Вот и он, – сказал папа.

– Весь этот дом? – спросила мама.

– Нет, только средняя часть, – пояснил он. И добавил: – Не волнуйся, милая, мы здесь не навсегда.

С заднего сиденья мне было видно, что мама плачет.

– Мама! Что случилось, мамочка?

– Это я от радости. Как же тут прекрасно! Как же тут прекрасно!

На самом деле дом показался мне совсем неплохим. Это была уменьшенная копия домов в колониальном стиле, с залом посередине и спальнями наверху. Мне досталась комната в задней части дома, так что из окна я видел предмет моих заветных мечтаний, мою страну Оз: Арчмер. Посреди рабочего городка при сталелитейном заводе, на расстоянии меньше мили от предприятий и как раз напротив наших домов в Бруквью-Апартментс, стоял особняк. И это был первый особняк, который я видел в своей жизни. Я мог смотреть на него часами. Джон Джейкоб Раскоб построил этот дом для своей семьи еще до того, как в Клеймонте появились сталелитейные, химические и нефтеперерабатывающие заводы. Раскоб, личный секретарь Пьера Дюпона, обладал талантом приумножать деньги. Он убедил Дюпонов приобрести большую долю в General Motors и стал финансовым директором этой компании. Раскоб также много сделал для католиков. Часть своего состояния он вложил в благотворительный фонд, а еще он руководил предвыборной кампанией первого католика среди кандидатов в президенты, демократа Эла Смита. В 1928 году демократы собирались в библиотеке Арчмера, чтобы обсудить свою политическую стратегию. Потом Раскоб построил Эмпайр-стейт-билдинг.

А в Клеймонте он построил особняк, который назвал «Патио у Арчмера». Это было великолепное здание в итальянском стиле, с отделкой мрамором. Арчмер означает «арка у моря» – по склону к реке вела аллея вязов, сомкнувших свои кроны наподобие арки. Но когда неподалеку от Патио стали селиться семьи рабочих и появились шум и пыль от заводов, Раскоб решил, что с него довольно неудобств, и продал особняк ордену католических священников. Норбертинцы устроили там частную школу для мальчиков. Когда я поселился напротив Академии Арчмер, этой школе было всего двадцать лет.

В тот год, когда я играл в футбол за СЮО⁶, нашим тренером был доктор Анзелотти, химик из DuPont, сыновья которого учились в Арчмере. Руководство Арчмера разрешило доктору Анзелотти тренировать нас на площадке у школы. С того самого момента, как я оказался за высокой оградой из кованого железа, окружавшей школу, и пошел по дороге – в школе ее называли, как в сказке, «дорогой из желтого кирпича», – я уже понимал, в какой именно средней школе я хочу учиться. Я не смотрел на Арчмер как на трамплин к великим достижениям. В десять лет мне хотелось просто попасть в Арчмер. Я сидел у себя в комнате, смотрел в окно и мечтал о том дне, когда войду с парадного входа и стану учиться в этой школе. Я мечтал о том дне, когда сделаю тачдаун или выиграю хоум-ран.

Я поступил в третий класс в школу Святого Розария. Это была католическая школа в полумиле от Филадельфийской развилки. Там-то сестры из ордена Святого Иосифа и помогали мне вершить путь в новый для меня мир. Они осуществили для меня связь между Скранто-

⁶ Catholic Youth Organization – Организация молодых католиков, основной целью создания которой является воспитание детей в рамках христианских ценностей. – *Примеч. ред.*

ном и Клеймонтом. В школе у монахинь я чувствовал себя как дома. Для меня католическая вера имеет не меньшую культурологическую ценность, чем ее теологический смысл. Мои представления о самом себе, о семье, об обществе, о мире в целом сложились под влиянием моей религии. Это не столько Библия, заповеди блаженства, десять заповедей, таинства, молитвы, которые я выучил. Это целая культура. Одна из причин, по которой я до сих пор исповедую католицизм, – это монашеский труд сестер. Прошлым летом в Дубьюке, штат Айова, мой местный политический союзник Тери Гудманн отвез меня в монастырь Святого Франциска. Это прекрасное старое здание, похожее на строения университетов Лиги плюща. По дороге мы остановились у Ну-Вее, чтобы купить мороженого для сестер: сын Джин Финнеган Байден не придет к монахиням с пустыми руками. Я вспомнил, как в начальной школе, в последний день перед праздниками, все мои одноклассники преподносили учительнице-монахине маленькие рождественские подарки. На столе появлялась горка маленьких упаковок ароматного мыла. (А что еще дарить монахине?) Весь следующий год сестры всегда пахли лавандой. Я не встречал монахини, которая не пахла бы лавандой.

Поэтому я приехал в монастырь в Дубьюке, захватив несколько галлонов мороженого, но тут же начал беспокоиться, что на всех не хватит. Тери ожидал, что придут десять-двенадцать сестер, а на самом деле их собралось около четырех дюжин. Многие были из поколения моих школьных учительниц.

Я приехал, чтобы поговорить о ситуации в Ираке, и сестры искренне хотели понять, в чем суть конфликта между религиозными группами в этом регионе. Они засыпали меня вопросами о суннитах, шиитах и курдах. Им было важно узнать об истории религии курдов, они спрашивали меня, откуда я сам узнаю, что тревожит сейчас иранский народ. Многие из этих монахинь в прошлом были учительницами; знаниям придавали огромное значение. Мы говорили о нашей церкви, потом перешли к проблемам женщин, образованию и национальной безопасности. Не знаю, соглашались ли монахини с моей официальной позицией по различным вопросам, но они смотрели на меня с улыбкой. Даже когда мы открыли мороженое, они продолжали задавать вопросы. И когда я уже собирался уходить, Тери спросил сестер, не могли бы они в ближайшие дни молиться за успехи Джо Байдена в его общественной карьере. Но они сделали нечто гораздо большее. Сестры встали вокруг меня в круг, подняли руки над моей головой и запели благословение, которое обычно предназначается для монахини, отправляющейся в путь куда-то далеко, где ей предстоит вершить божий труд, «благослови и сохрани тебя Господь». Сестры были такие милые и искренние, что я как будто вернулся в детство, в те мгновения, когда я чувствовал, что соприкасаюсь с чем-то большим, намного больше меня самого. Это не было ни божественным откровением, ни призывом к покаянию. Такое состояние для меня совершенно естественно. В Дубьюке, штат Айова, я почувствовал себя совсем как дома благодаря сестрам из ордена Святого Франциска.

Итак, первыми моими учителями были монахини. В школе Святого Розария, как и в школе Святого Павла в Скрантоне, учили чтению и письму, математике, географии и истории, но при этом в учениках воспитывались и такие добродетели, как порядочность и честность. Наставления напоминали строки из Библии: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». В школе мы учились приближаться к такой любви. Не требуется отдавать жизнь, но нужно благородно помочь пожилой даме перейти на другую сторону улицы. Благородно помочь тому, кому повезло меньше, чем тебе. Благородно заступиться за того, к кому пристал хулиган. Благородно вмешаться за правое дело.

Однажды в школе Святого Розария наша учительница, сестра Мишель Мари, ненадолго отлучилась из класса. Когда она вышла, Сонни Дерамо швырнул стирательную резинку. Когда учительница вернулась, резинка все еще лежала на полу.

– Кто это сделал? – спросила сестра Мишель Мари. Все молчали. Никто не сказал ни слова. – Значит, вы все останетесь после уроков, пока тот, кто это сделал, не признается. – И тогда я поднял руку.

– Это сделал я, сестра.

А после уроков она отправила домой всех, кроме меня.

– Байден, ты останешься после уроков.

Я знал, что это значит. Придется сто раз написать на доске: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

Когда остальные ученики ушли, она указала мне, где сесть, и сказала:

– Ты сознался в том, чего не совершал. – Я кивнул, полагая, что меня сейчас отпустят. – Достоин восхищения, – продолжала сестра Мишель Мари, – но тебе все равно придется отвечать за проступок. Останешься после уроков.

Сестра высказала свою точку зрения, которую я никогда не забуду. Когда решаешь вмешаться, нужно быть готовым к последствиям.

Священников мы видели по воскресеньям, а монахини были с нами каждый день. Сестра Лоуренс Джозеф играла с нами в бейсбол – подоткнув свою длинную тунику, она бегала по базам. В спорте я преуспевал, но, хотя мама и настояла, чтобы я пошел учиться на класс младше, я все равно оказался меньше ростом, чем почти все остальные мальчишки, и сестра Лоуренс Джозеф знала, что меня это беспокоит. «Знаешь, а мой брат тоже был маленького роста, Джо, и все же он стал очень хорошим спортсменом». Они всегда меня подбадривали. Почти все мои учителя пытались помочь мне справиться с заиканием. Они, как и мама, напоминали мне, что я хороший мальчик, умный, отличный спортсмен. Если надо мной посмеивались одноклассники, учителя за меня вступались. Они даже старались посоветовать, как мне справиться с заиканием.

Я придумал свою собственную стратегию, она напоминала игру. Мне нужно было предвидеть, что подумают другие люди. В 1955 году, когда родители купили новый дом в Мейфилде, я стал разносить по утрам газеты. Я с ужасом ожидал утра субботы, когда мне придется получать деньги у едва знакомых людей. Я научился предвидеть, какой предстоит разговор. Мой сосед был большим фанатом Yankees, и я всегда проверял счет Yankees в газете, потому что знал, что он спросит и нужно будет что-то сказать, чтобы не выглядеть дураком. Пока он шел открывать дверь, я репетировал разговор с ним: «Ты видел, Мики Мантл вчера сделал два хоум-рана?»

Чтение вслух всегда вызывало у меня панику, поэтому я запоминал наизусть длинные отрывки, которые мне предстояло читать в школе. И одна из монахинь предложила мне научиться держать ритм, как в пении, чтобы не перенапрягаться и чтобы у меня не сводило мышцы на лице. Монахини всегда старались помочь. Вот почему для меня стало полной неожиданностью то, что случилось, когда я читал вслух про сэра Уолтера Рэли.

Когда мы переехали в Мейфилд, меня перевели в начальную школу Святой Елены. В седьмом классе, как и до того, нас рассаживали рядами, в алфавитном порядке, то есть я всегда был в первом ряду, но не на первом месте. И так я мог заранее подсчитать, что именно мне выпадет читать в классе. Если я сижу пятым, мне достается пятый абзац. В тот день мне предстояло прочитать: «Сэр Уолтер Рэли был джентльменом. Он снял плащ и кинул его в грязь, чтобы леди прошла, не запачкав туфли». В тот день я рассчитал все верно. Мне достался тот самый абзац. Я запомнил его наизусть. Я настроился на подходящий ритм.

– Сэр Уолтер Рэли был джентльменом. – И тут монахиня резко остановила меня:

– Мистер Байден, а что вот это за слово? – Я почувствовал, как меня охватывает паника. Я не мог прочесть слова на странице. Просто впал в ступор. Она хотела, чтобы я произнес «джентльмен», а я не мог. «Дже-дже-дже-дже...»

Она снова перебила меня:

– Мистер Ба-ба-ба-байден...

И я почувствовал, как у меня внутри что-то раскалилось, поползло вверх и накрыло с головой. Меня охватила самая настоящая ярость. Я встал из-за парты и вышел из класса, прямо мимо монахини. Ушел из школы и отправился к себе на Уилсон-Роуд пешком, а идти было две мили. Когда я вернулся домой, меня уже дожидалась мама. Из школы уже успели позвонить.

Я даже не вошел в дверь собственного дома.

– Садись в машину, Джо.

Я сел в машину с братишкой Фрэнком, который едва научился ходить, и мама повезла нас в школу Святой Елены. Я видел, что она рассержена как никогда. «Плохи мои дела», – подумал я.

– Джо, что случилось? – спросила она.

– Мама, она надо мной смеялась. Она называла меня мистер Ба-ба-ба-байден.

Мы добрались до школы, мама схватила меня за руку и подхватила Фрэнка. Мы направились в кабинет к директорше, матери Агнес Констанс. Кабинет у нее был примерно такой, как изображают в старых фильмах в жанре нуар кабинет частного детектива: деревянная обшивка высотой в четыре фута на стенах, матовые стекла. Мама усадила меня в вестибюле, посадила мне на колени Фрэнка и пошла в кабинет. Светило солнце, и я мог различить силуэты. И я все слышал. Я слышал, как мама спросила: «Можно попросить сестру спуститься?» И когда монахиня начала объяснять, что я сделал, я услышал, как мать перебила ее: «Да, я знаю, сестра, а что сказали ему вы?»

– Что ж, миссис Байден, я не сказала ничего такого...

– Вы сказали «Ба-ба-ба-байден»?

– Ну, это не имеет значения, – услышала я голос матери Агнес Констанс. Но мама настаивала: «Так вы сказали Ба-ба-ба-байден?»

– Да, миссис Байден, я хотела обратить его внимание на важный момент.

Я видел, как моя мать выпрямилась во весь рост, пять футов один дюйм. Моя мать, всегда такая робкая, так почитавшая церковь, подошла к монахини и сказала:

– Если ты еще раз заговоришь так с моим сыном, я приду снова и сорву с твоей головы этот чепец. Понятно?

Потом дверь распахнулась, и мама взяла Фрэнки у меня с колен.

– Джоуи, – сказала она, уходя, – возвращайся в класс.

Моя мать не выносила только одного: подлости. В ней самой не было ни капли подлости, и она не терпела этого в других людях. Однажды она велела моему брату Джиму разбить нос тому парню, который обижал малышей, а когда он это сделал, подарила ему доллар. Ни для деятелей церкви, ни для властей предрержащих она не делала никаких исключений. Если они злоупотребляют полномочиями, можешь разбить им нос.

«Ты уважаешь мундир, – говорила она, – уважаешь сутаны, уважаешь униформу, но не обязан уважать человека, на котором эта одежда». Много лет спустя, когда я сказал матери, что собираюсь на аудиенцию к английской королеве, она тут же велела мне: «Не кланяйся ей». Когда я сообщил ей, что иду к папе римскому, она ответила: «Не целуй его кольцо». «Помни, Джоуи, – говорила она, – ты же Байден. Никто не выше тебя. Ты не лучше других людей, но и *никто* из них не лучше тебя».

Бывало, мы сидели совсем без денег. Тогда от энергетической компании к нам присылали человека, который должен был вытрясти из нас плату за электричество, а у меня так изнашивались ботинки, что приходилось до папиной зарплаты вкладывать в них стельки из картона, но даже тогда мама не переживала. Когда я учился в восьмом классе, меня пригласили в пресвитерианскую церковь на праздник для детей из государственной школы. Я был католиком; в Мейфилде католических семей было очень мало. Мне пришлось надеть одну из папиных

парадных рубашек, она была мне длинна, так что мама дважды загнула рукава с французскими манжетами, а потом мы стали искать запонки и не нашли. Был вечер пятницы, папа работал допоздна, и мама пошла в подвал, взяла ящик с инструментами со стиральной машины и вытащила оттуда два болта с гайками. Я понял, что она собирается застегнуть мне манжеты с помощью болтов, и отпрянул.

– Мама, я в таком виде не пойду! – сказал я. – Так нельзя. Меня ребята засмеют.

– Джо, – сказала она, – посмотри-ка на меня.

– Я с этим не пойду. Я с этим не пойду.

– Послушай, Джо, если кто-нибудь начнет что-то болтать насчет гаек и болтов, ты просто посмотришь ему прямо в глаза и скажешь: «А у тебя разве дома таких нет?»

Я сказал: «Ну ма-а-ма! Ма-а-ма! Давай не будем».

В конце концов, я все же решил пойти на праздник и пошел. Но когда я стоял у чаши с пуншем, наполняя бокал, кто-то заметил мои необычные запонки. Он схватил меня за руку, поднял мой рукав повыше и крикнул: «Посмотрите-ка на Байдена! Гайки с болтами!»

Я почувствовал, как мое лицо приняло сначала смущенное, а затем гневное выражение. Потом я вспомнил, что говорила мне мама.

– А у тебя разве дома таких нет? – спросил я.

Наступила мертвая тишина... и наконец мой мучитель достаточно громко сказал, так что слышали все вокруг:

– Да, есть такие. У меня дома такие есть.

Лет десять назад моя сестра Вэл подарила мне комплект серебряных запонок Tiffany в форме болтов и гаек, как напоминание о том дне.

Когда у нас, детей, возникали проблемы, мы шли к маме, и она все улаживала. Один год мне было неловко ездить в школьном автобусе. Я сел в него, а через шесть-семь остановок в него садилась толстенькая маленькая девочка. Она была вся в веснушках, и от нее как-то пахло, как будто она только что слезла с бабушкиного чердака. В автобусе было много свободных мест, но она села рядом со мной. Я из-за этого чувствовал ужасное смущение. Все подшучивали надо мной, потому что привыкли насмехаться над ней. Однажды я пришел домой и рассказал про это маме.

– Я не знаю, что делать, мама. То есть автобус пустой, а она садится рядом со мной, и все думают, что она моя *девушка*.

Мама посмотрела на меня и спросила:

– Ты ей нравишься?

– Да, мама. Я ей нравлюсь. В этом и беда.

И моя мама сказала:

– Ну, попробуй относиться к ней так же. Когда тебя кто-то любит, люби их в ответ.

И этому нас постоянно учили дома – относиться к людям с уважением. Еще нас все время учили помогать своим родным. В нашей семье есть поговорка: «Если приходится просить, значит, уже слишком поздно». В нашем доме Вэл, Джимми, Фрэнки и я должны были быть всегда готовы прийти друг другу на помощь. «Ближе никого нет, – говорила нам мама. – Вы родные. Вы друг другу еще более близкие люди, чем нам с отцом. У вас общая кровь».

Дома мы могли драться друг с другом, но вне дома нельзя было и слова сказать против брата или сестры. Всегда, при любых обстоятельствах, – независимо от того, что делали мои братья или сестра, – можно было только встать на их сторону, только так. Пойти против них было бы все равно что в разгар холодной войны выдать русским все секреты Соединенных Штатов. Это было бы предательством. В начальной школе монахини сделали меня лейтенантом патруля безопасности и выдали мне блестящий синий значок. В автобусе я должен был следить за остальными и сообщать о плохом поведении. Однажды Вэл нарушила правила, когда мы ехали в школьном автобусе, и вечером за ужином я спросил отца, как мне поступить.

- Но это все видели, – объяснил я. – Я должен доложить о ее поступке.
 - Она твоя сестра, Джо.
 - Но, папа, мне же дали синий значок. Я должен доложить.
 - Ну, ты же знаешь, Джо, что есть и другие решения.
- Я понял, как мне нужно поступить. На следующий день я сдал свой значок.

Мамина жизненная философия совершенно не отличалась от папиной. Она просто больше говорила об этом вслух. Папа меньше объяснял словами: у него мы учились, наблюдая за ним. Он терпеть не мог, когда люди помыкают другими людьми, которым в жизни повезло чуть меньше. Никогда не говори о деньгах, требовал он от нас. И он не выносил, когда злоупотребляли любого рода властью. Он никогда не поднимал руку ни на кого из нас. «Кто бьет маленьких детей, тот ничтожный человечиска, – говорил он. – Ни один мужчина не имеет права поднимать руку на женщину, никогда». Папа работал допоздна, но почти каждый вечер ему удавалось успеть домой к ужину, чтобы посидеть за столом с нами. Папа следил за тем, как мы ведем себя за столом, – наши манеры должны были быть безупречными, – а еще он старался говорить с нами о таких вещах, как нравственность, справедливость и равенство. Иногда он говорил о холокосте. Отец не мог понять, как можно преследовать людей за то, кто они есть. «Мир допустил ошибку. Когда Гитлер уничтожил евреев, мир бездействовал. Нам должно быть стыдно. Когда творятся такие преступления, каждый из нас обязан, – говорил он нам, – во всеуслышание заявить об этом».

Мои родители редко куда-то выбирались из дома, так что когда такое все же случалось, для них это было важным событием. И вот однажды они оставили нас с Вэл дома, чтобы мы присмотрели за Джимом и Фрэнком, а сами отправились на рождественскую вечеринку в автосалоне, где тогда папа работал менеджером. Владелец автосалона был большой шишкой. Выше шести футов ростом, он тянул слова, как резину, у него была куча денег в банке и полезные связи с политиками по всему штату. Он был из тех, кто «сделал себя сам»; на рекламных щитах его компании его называли «другом рабочего человека». У него был фирменный приемчик – он любил раздавать серебряные доллары. Так он одаривал всех выгодных клиентов. Клиентам-то ладно, но когда хозяин раздавал мешочки серебряных долларов и сотрудникам, папу передергивало. Такие поступки как-то портили образ друга рабочих. Папа обрадовался, когда хозяин фирмы решил устроить рождественскую вечеринку для продавцов, секретарей и механиков. Из шоу-рума убрали все автомобили, и там должен был играть биг-бенд. Мой отец любил биг-бенды. В тридцатые годы он неплохо играл на кларнете и саксофоне, а еще замечательно танцевал. Мама надела свое лучшее платье, и они ушли.

Родителей не было всего пару часов, праздник, должно быть, только начинался, но они вернулись. Родители пошли к себе в комнату. Папа молчал. На следующий день мы узнали, что папа остался без работы. Позже мама рассказала нам, что произошло. Во время ужина они сидели за столиком, из-за которого было видно танцпол. Танцы еще не начались, когда хозяин фирмы взял ведро серебряных долларов, высыпал его на пол и наблюдал сверху вниз, как продавцы, секретарши и механики шарят по полу, стараясь набрать мелочи. Папа на секунду замер, потом встал, взял маму за руку и вышел вон. Он уволился в знак протеста.

Тогда я еще не понимал этого, или не отдавал себе отчета, но в Мейфилде отец чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег. Мы переехали в этот район в 1955 году, раньше нас здесь успели поселиться только три семьи, а потом вокруг построили трех- и четырехкомнатные двухэтажные дома, где поселились семьи молодых специалистов, только начинавших работать в компании DuPont. Это были молодые люди с высшим образованием – химики, бухгалтеры, юристы. Мейфилд тогда тоже только построили, там еще не успели подрасти деревья, хотя все равно условия были лучше, чем в Бруквью-Апартментс. Но для этих молодых людей

это был лишь проходной этап: они поднимались по карьерной лестнице, и впереди их ждали солидные должности, машины побольше и дома попросторнее. Работать в DuPont значило обеспечить себе надежный доход сегодня и с уверенностью смотреть в будущее. Все остальные отцы в нашем районе носили зажимы для галстука, на которых в маленьком овале красовались буквы DuPont. Отцы, работавшие в DuPont, любили повторять: «Овал о тебе позаботится». Помните, как раньше говорили: «В Allstate ты в хороших руках».

Я всегда понимал, что мой отец предпочел бы не работать на чью-то компанию. Он предпочел бы иметь собственное дело. Но он, казалось, был ничуть не меньше уверен в своем будущем, чем остальные отцы. Мы здесь только на время, говорил он о нашем доме на Уилсон-Роуд. Мои братья, сестра и я в те дни чувствовали себя в полной безопасности. Америка будто рождалась заново для нашего послевоенного поколения. Строились новые дома, новые школы, появлялись новые модели автомобилей, новая бытовая техника, новые телевизоры и новые телешоу, где показывали таких же обыкновенных людей, как мы. Все это не вызывало у нас никаких опасений. Нужно ли было в Мейфилде страшиться вторжения коммунистов? Скорее в нашем любимом детском телешоу на ужин заявится сам Никита Хрущев.

Большинство жителей Мейфилда были протестантами, поэтому нам приходилось по воскресеньям долго добираться на воскресную мессу, но в остальном наша семья почти не отличалась от остальных. После воскресного обеда папа давал мне доллар, и я ехал на велосипеде купить на всех мороженого Brayer's. Я возвращался, и мы шестером сидели в гостиной и смотрели сериал про собаку Лесси, программу Джека Бенни и шоу Эда Салливана.

Однако мне всегда казалось, что в Мейфилде мой отец как-то не на своем месте. Я никогда особо не расспрашивал его о жизни. Он сам тоже ничего не рассказывал. Однако меня поражало, когда, открыв дверцу шкафа, я видел папины ключку для поло, черные кожаные сапоги и коричневые бриджи для верховой езды, охотничий костюм; было странно смотреть любительскую киноленту о большом поместье папиного кузена на Лонг-Айленде, где у папы были собственные лошади. Еще он показывал фотографии своего любимого скакуна, Обидайна. Много я узнал уже позже, из рассказов других людей. Однажды, когда Джимми было лет восемь, папа отвез его в Уилмингтонский аэропорт, взял напрокат двухместный самолет, и они вдвоем летали над городом. Они ездили стрелять по тарелочкам на реке Делавэр. Когда я учился в университете, отец взял напрокат сорокапятифутовое судно и повез семью кататься. Джимми был потрясен, когда узнал, что папа умеет управлять парусным судном. Рассказывали, что мой отец однажды переплыл реку Делавэр. А один раз я сам видел, как он поднялся на трамплин и прыгнул в воду идеальной ласточкой. В Уилмингтоне, штат Делавэр, никогда еще не было такого элегантно одетого, безупречно ухоженного менеджера по продажам автомобилей. Он отлично танцевал. Он любил петь и был грациозен от природы; я никогда не видел, чтобы он вел себя неловко в обществе. Но мой брат Джимми часто расспрашивал отца о прошлом, и в такие моменты всегда замечал, что тот немного печален.

Я помню, как отец говорил мне: «Ты должен получить университетское образование». Эти слова звучали вполне в его духе, как призыв из былых времен: «Ты должен получить университетское образование». Когда я думаю об этом, меня охватывает грусть. Он всегда жалел, что не получил диплома, и понимал, что это ограничивает его возможности. Напрямую он этого не говорил, но было совершенно ясно, что он имеет в виду: «Джо, никто никогда не отнимет у тебя твоего образования». Те, у кого власть и возможности, могут подчинить тебя. Они могут оставить тебя без работы, забрать у тебя деньги, лишить тебя пенсии. Но никто не может отнять у тебя твое образование. Мой отец и его брат Фрэнк даже не начали учиться в университете. И ни один из известных мне Байденов никогда не учился в университете. Но жизнь Джозефа Робинетта Байдена начиналась так, что все были уверены: этому молодому человеку высшее образование ни к чему.

Мой отец родился в Балтиморе в 1915 году, и примерно в то же время его отец, Джозеф Байден, начал работать на семью Блауштейнов. Он помогал им развозить по домам керосин в специальной повозке, на которой был закреплен большой бак. В компании предугадали наступление эры автомобиля, и тогда они стали заниматься бензином, учредив небольшую фирму под названием American Oil Company (позже Amoco). Джозефа отправили руководить отделением American Oil в Уилмингтоне. Летом отец почти всегда уезжал к своему двоюродному брату, Биллу Шину-младшему, с которым они были дружны как родные братья. Старик Шин, или Большой Билл, был суровым ирландцем и любил крепко выпить. Нам рассказывали, что он изобрел герметик, которым заделывали трещины в кладбищенских склепах. У Шинов было имение в Балтиморском охотничьем округе, и они были богаты, хотя особого значения этому не придавалось. Каждые два года Большой Билл покупал себе, жене и сыну по новому «Кадиллаку». Любимому племяннику, Джозефу Байдену, он купил «Бьюик-родстер». Отец приобрел все привычки блестящего джентльмена. Он ездил на охоту верхом с гончими, гонял на автомобиле, управлял самолетом. Он привык к хорошей одежде, прекрасным лошадям, осваивал все танцы, которые входили в моду.

Поэтому, когда его отца, Джозефа Байдена, перевели из Уилмингтона в Скрантон, мой отец, которому еще предстояло закончить среднюю школу, приехал в город на своем шикарном новом «Бьюике». Таких учеников в католических школах Скрантона еще не было, и ему пришлось нелегко. Одноклассники с новичком, имевшим замашки шеголя, не церемонились. Однако моя мама, Джин Финнеган с Норт-Вашингтон-авеню, влюбилась в него без памяти. Они поженились в Скрантоне в мае 1941 года.

Перед войной фирма Шинов получила крупный контракт на поставку герметика для торговых судов, отправлявшихся из американских портов, и мой отец начал работать в этом новом бизнесе. Большой Билл руководил отделением на верфи в Норфолке, штат Вирджиния. Билл-младший управлял нью-йоркским отделением, мой отец отвечал за бостонское. Билл-младший и мой отец жили на широкую ногу. Они управляли собственными самолетами, гоняли на них по всему Восточному побережью, охотились на лосей в Адирондакских горах. Остановившись в Barclay Hotel на Манхэттене, передавали на кухню для шеф-повара пару перепелок. Во время войны у Шинов все шло просто отлично, и мой отец смог хорошо заработать.

Заработав деньги, он собирался вложить их в собственный бизнес. Когда война закончилась, мне не было еще и трех лет. Мы жили в отличном доме в пригороде Бостона, когда папа предложил партнерство своему старому другу. Они собирались купить здание в центре города и открыть в нем мебельный магазин. Однако незадолго до заключения сделки партнер сбежал, прихватив с собой все деньги. Мой отец отказался подавать на него в суд. Денег было уже не вернуть, кроме того, тот парень был его другом. «Я не могу так поступить, – сказал он моей матери. – Я же крестный отец его дочери».

В результате папа открыл предприятие с другом, который во время войны служил летчиком. Они купили аэродром на Лонг-Айленде и стали заниматься обработкой деревьев и посевов от вредителей. Они опрыскивали яблоневые сады на севере штата Нью-Йорк и обрабатывали картофельные поля на Лонг-Айленде. Едва мы обосновались в Гарден-Сити, как и этот бизнес рухнул, и папе уже некуда было обратиться за помощью. Его родители к тому времени умерли. Ушел и его дядя Билл Шин. Его двоюродный брат Билл Шин-младший жил в своем имении на Лонг-Айленде на широкую ногу и быстро промотал состояние, нажитое в годы войны.

В 1947 году, когда мне пора было выбирать школу, мы вернулись в Скрантон совершенно без денег. Мама, папа, Вэл и я переехали в дом бабушки Финнегана на Норт-Вашингтон, где выросла мама. Там жили мамин брат Эдвард Блюитт (мы звали его Бу-Бу) и тетя Герти Блюитт, старая дева, невестка бабушки. Моему отцу жилось там непросто. Молодые Финнеганы относились к нему прохладно, когда он получал хорошие деньги. Они не изменили своего отноше-

ния и тогда, когда он остался совсем без средств. Будучи ирландцами, они не забыли своих обид.

Помню, как-то вечером я был у тети Герти, в ее пыльной комнатке на третьем этаже. Она стояла рядом, гладила меня по спине. «Что ж, милый, – сказала она, – твой отец человек неплохой». Мне, конечно, и в голову не приходило, что отец мог быть плохим человеком. «Твой отец человек неплохой. Просто он англичанин. Но он хороший человек».

У моего отца была замечательная черта: он понимал, что окружающий мир ничем ему не обязан. Когда семье были нужны деньги, он не предавался воспоминаниям о прошлом, а с готовностью брался за любую работу, которую удавалось найти. Почти год он ездил на работу из Скрантона в Уилмингтон, где чистил паровые котлы в компании Kyle. Чтобы подзаработать, он устроился в киоск на фермерском рынке в Нью-Касле, где продавал флажки и другие безделушки. Однажды в субботу мама решила сделать отцу сюрприз – принести ему обед на работу. Она увидела, как он в отглаженном твидовом пиджаке, из кармана которого торчал платочек, сложенный так, чтобы были видны все его уголки, с элегантно завязанным шелковым галстуком на шее, торговая флажками. Они встретились глазами, и отцу стало неловко. Мало того что он был вынужден подрабатывать, так еще и мама это увидела. А она подошла к нему, обняла его и сказала: «Я так тобой горжусь!»

Отец научил меня ценить постоянство, упорство и труд, научил меня нести тяжелое бремя с достоинством. Он часто повторял слова Бенджамина Дизраэли: «Никогда не жалуйся. Никогда не оправдывайся».

Вот так я и попал в Арчмер. Мой отец сомневался, стоит ли идти учиться в Арчмер, ведь нужно было платить 300 долларов в год. Он говорил: «И Салезианская школа хороша, Джо. Там тоже неплохо». Да и обучение там стоило втрое дешевле. В Маунт-Плезант тоже все было как положено. Это была бесплатная государственная средняя школа, которая считалась одной из лучших в Делавэре. Но я всем сердцем рвался в Арчмер и узнал, что у них есть программа «Учись и работай» для тех детей, чьи семьи не могли себе позволить платить за обучение. В течение учебного года работать было не нужно. Это делалось для того, чтобы бедные мальчики не чувствовали себя неловко. Когда я сдал вступительные экзамены, меня зачислили в Арчмер, и школа направила меня на летние работы. В Арчмере трудился человек десять таких, как я, а командовал нами парень с хриплым голосом по имени Доминик. Так я и провел часть лета в бригаде под началом Доминика. Работали мы каждый день, с восьми утра до четырех дня. Доминик жил при школе и работал под началом директора, отца Джастина Дини. В то лето Доминик всегда был в дурном расположении духа: «Ох уж этот проклятый отец Дини!» Сначала Доминик поручил мне прополку всего сада возле главного здания. Целыми днями я пропалывал сад. А потом я вымыл все окна в здании. Магазиновых средств для мытья стекол мне не дали, нужно было смешивать уксус с водой, мыть окно тряпкой и доводить до блеска газетой. А окон было не меньше двухсот. После этого я еще покрасил кованую ограду. Но вот наступил сентябрь. Я поступил в Арчмер, заслужив это право собственным трудом.

Первый день в школе был похож на волшебный сон. Все было новое. Я был одет во все новое – мы должны были каждый день носить пиджак и быть в галстучке, у меня были новые тетради, новая авторучка Parker и десяток новых карандашей № 2, острых, как гладиаторский меч. И вот автобус проехал мимо кованого железного забора (блестящего свежей черной краской), между больших каменных колонн, образующих парадные ворота, и дальше по дороге из желтого кирпича, к особняку Раскоба, окна которого так и сверкали в утренних лучах. Старшеклассники парковали свои машины возле старых гаражей и помещений для прислуги, а потом шагали мимо сада к парадному входу. Они выглядели как студенты.

Мы вошли в Арчмер под главным портиком, прошли в центральное фойе. Мраморными были колонны и остальная отделка, а наверху была раздвижная стеклянная крыша с витра-

жами. От главного входа я мог разглядеть задний двор, за которым начиналась аллея вязов с сомкнутыми аркой кронами, спускавшаяся к реке Делавэр. Рядом с фойе находились классные комнаты, столовая, где мы обедали и где служили мессу, кабинет директора и библиотека. Когда я первый раз вошел в библиотеку школы, я, помнится, просто разинул рот от удивления. Там тоже была обшивка из темного дерева. Но от пола до потолка шли книжные полки. Мне подумалось: наверное, я умер и попал прямо в Йельский университет.

Этажом ниже были раздевалки – в Арчмере серьезно занимались спортом, – а двери были такие, что четырнадцатилетнему мальчишке, выросшему в полутораэтажном домике в Мейфилде, оставалось только ахнуть. Одна дверь вела в кегельбан, построенный еще Раскобом, другая – в коридор к помещениям для прислуги и гаражам. Зимой мы ходили по этому потайному ходу в классы, расположенные в бывших гаражах Раскоба и в пристройке для прислуги. В один из первых дней в Арчмере я пошел во время урока в уборную, а когда возвращался, услышал, как отец Дини окликнул двух старшеклассников. Он стоял в фойе на возвышении, а ученики были на ступеньку ниже. Я замер за колонной и наблюдал. Они меня так и не заметили. Отец Дини был в белом одеянии и белом плаще, и я слышал, как он сказал: «Оба будете отработывать в наказание». Они ушли из класса без разрешения и пошли покурить, так что каждый из них получал строгий выговор. Оба молчали, но один из них, похоже, бросил взгляд на отца Дини.

– Вы на меня сейчас злитесь, правда, Давилос? – спросил отец Дини. – Вам бы хотелось мне врезать, так, Давилос? – Я уже дрожал, а Давилос казался совершенно спокойным. Он играл в футбольной команде и весил фунтов двести. Отцу Дини было тогда около пятидесяти пяти. Но Давилос был неглупый парень.

– Меня отец убьет, если я это сделаю, – сказал он.

– Что же, – ответил отец Дини, – я разрешаю.

– Отец, но вы же не хотите, чтобы я...

– Хочу, Давилос, – сказал отец Дини, сойдя с возвышения и оказавшись на одном уровне с Давилосом. Он снял плащ и протянул его другому мальчику. – Давай, сынок, врежь мне. – Тогда отец Дини дал Давилосу пощечину.

Давилос думал недолго. Он замахнулся, а отец Дини блокировал удар правой рукой. Потом директор нанес прямой удар левой, а затем хук правой. Давилос упал. Отец Дини протянул руку и взял плащ: «Отведите мистера Давилоса в класс».

Сам я вернулся в класс весьма поспешно.

В самом начале в Арчмере мне пришлось нелегко. Я в классе был по росту предпоследним: пять футов один дюйм, и весил чуть больше ста фунтов. Очень скоро мои одноклассники начали посмеиваться над моим заиканием или потешались над тем, что я единственный из учеников первого года обучения, кто не выступает на общих собраниях. Я не хотел быть освобожденным, не хотел использовать свою проблему в качестве оправдания. Я молился, чтобы Бог помог мне перерасти заикание, но не желал дожидаться, когда оно пройдет само собой. Я решил победить свое заикание. И применил для этого единственный известный мне способ: работал над этим как проклятый. Упражнялся все время. Я заучивал наизусть длинные отрывки из Йейтса и Эмерсона, а потом стоял перед зеркалом в своей комнате на Уилсон-Роуд и проговаривал их. «В библиотеках возрастают робкие духом юноши... В библиотеках возрастают робкие духом юноши... В библиотеках возрастают робкие духом юноши...» Я пристально смотрел на свое лицо, пока произносил фразы: следил, чтобы не перенапрягались мышцы. Ведь другие дети насмеялись именно над выражением моего лица, а сам я, когда это происходило, впадал в ступор и ничего не мог сделать. Поэтому, если я видел, что челюсть начинает напрягаться, я останавливался, пытался расслабиться, а потом с улыбкой продолжал занятия. «В библиотеках возрастают робкие духом юноши, почитающие своим долгом разделять взгляды,

которых держался Цицерон, или же Локк, или же Бэкон, и забывающие, что Цицерон, Локк, Бэкон, когда они писали свои книги, ведь тоже были юношами, взрослыми в библиотеках. И так вместо Человека думающего появляется книжный червь».

Дома меня постоянно подбадривала мама, но было и еще кое-что, заставлявшее меня стараться изо всех сил, – особенность моего дяди Бу-Бу. Брат моей мамы, Эдвард Блюитт «Бу-Бу» Финнеган, приехал навестить нас в Уилмингтоне сразу после смерти бабушки Финнегана в 1956 году и остался с нами на семнадцать лет. Блюитт работал коммивояжером в компании Serta, которая выпускала матрасы. Когда он навещал нас в Мейфилде, он оставался на ночлег в комнате со мной и моими братьями. Бу-Бу был для меня порой отличным другом. Он был очень умен, и в нашем доме только у него было высшее образование. Он требовал, чтобы я прочел передовицу *New York Times*, а потом сидел и рассуждал о политике со мной и моими друзьями. Однажды он свозил меня и Вэл в Вашингтон, просто чтобы мы увидели Капитолий. Он подошел к сенатору Эверетту Дирксену и представил нас друг другу.

Как и мой отец, Блюитт терпеть не мог вульгарности. Когда Джимми или я приносили из школы грубые ругательства, дядя Бу-Бу выговаривал: «Вульгарность указывает на стремление ограниченного ума хоть как-то себя проявить, Джо. Почему бы тебе не выразить свое неудовольствие как-нибудь более творчески?»

Только вот дядя Бу-Бу всю свою жизнь ужасно заикался, и он пользовался этим как оправданием, вина свой дефект речи во всех своих неудачах. Он всю жизнь прожил холостяком, у него не было детей, он так и не обзавелся собственным домом. Он растратил впустую все свои таланты. На следующий день после случившегося в Перл-Харбор четыре маминых брата отправились записываться в армию. Трех приняли. Мой дядя Амброуз-младший был летчиком, он погиб в Новой Гвинее. Джек и Джерри тоже прошли войну. Но Блюитта в армию не взяли. Было ли причиной его заикание? Слегка выпивши, он рассказывал мне, что на самом деле очень хотел стать врачом. Он бы пошел учиться в медицинский, если бы не это ужасное заикание. «Это наглая ложь, Эдвард Блюитт Финнеган, – во всеуслышание говорила мама. – Если бы ты хотел, ты бы поступил, даже если бы на это потребовалось двадцать лет». Моя мама не верила в его оправдания.

Мы еще детьми замечали, что дядя Бу-Бу многовато выпивает. А он со временем становился все более озлобленным. Если над ним насмеялись: «П-п-п-привет, Бу-бу-бу-бу-блюитт», – он мог врезать со всей силы. «Моя ф-ф-фамилия Фи-фи-фи-финнеган, знаешь ли. Держу пари, что вы н-н-н-никогда даже не слышали о “П-п-п-поминках по Финнегану!” Держ-ж-ж-жу пари, ты и не знаешь, к-к-к-то это написал». Потом он поворачивался к кому-нибудь еще и говорил: «Д-д-д-держу пари, что он никогда не ч-ч-ч-читал Дж-дж-дж-джойса». Он не выносил богатых. Во время войны мой отец хорошо зарабатывал, а дядя то и дело напоминал ему, что отец не учился в университете, как и все Байдены. «У Б-б-б-байденов есть деньги, л-л-л-лорд Джозеф, а у Финнеганов – образование». Становясь с возрастом все более озлобленным, он стал поступаться даже собственным правилом насчет грубых выражений: «Деньги рулят, Джо, и кругом расхаживает такое дерьмо».

Я любил дядюшку Бу-Бу, но понимал, что очень не хочу, чтобы моя жизнь сложилась так же. Поэтому по вечерам я сидел перед зеркалом, смотрел на свое лицо и произносил: «Глупая последовательность – это суеверие маленьких умов, обожаемое мелкими государственными деятелями, философами и богословами». – Джо, пора спать! – «Великий человек вовсе не стремится к последовательности. Для него это было бы то же самое, что следить за тем, какая тень падает на стену от его фигуры. Говори то, что думаешь, сразу же, в жестких выражениях, а завтра говори то, что требуется завтра, и снова в жестких выражениях, пусть это и противоречит тому, что ты сказал сегодня. – Но тогда вас наверняка будут понимать неправильно. – А разве так плохо быть неправильно понятым? Не понятыми были Пифагор, и Сократ, и Иисус,

и Лютер, и Коперник, и Галилей, и Ньютон, и все чистые и мудрые души, которые когда-либо приходили на землю во плоти. Быть великим – значит быть неправильно понятым».

Однажды я даже испытал на себе метод Демосфена. Я читал, что Демосфен, величайший из всех греческих ораторов, избавился от заикания. Для этого он клал в рот морскую гальку и упражнялся в красноречии. Легенда, насколько я помню, гласит, что он набирал камушков в рот, бежал вдоль берега и пытался перекрыть шум моря. У нас поблизости не было ни пляжей, ни океанов, но я был в отчаянии, так что решил испытать и этот способ. Один из наших соседей в Мейфилде посыпал дорожки в своем саду галькой. Так что я набрал там десяток камушков, встал у стены нашего домишки, сунул камни в рот и попробовал говорить так, чтобы голос доносился до кирпичной ограды. Имейте в виду на всякий случай: это не работает. Я чуть было не проглотил половину камешков. В общем, я вернулся к себе в комнату, к зеркалу.

В Арчмере я начал расти как личность, да и в прямом смысле тоже. За два класса я вытянулся на целый фут. В учебе я был твердым хорошистом, лучше никогда не выходило, но я пользовался популярностью у девочек, а одноклассники считались с моим мнением. Почти в любой группе я становился лидером. На втором году я стал представителем класса, а на третьем и четвертом был председателем класса. Я мог бы стать председателем ученического совета, но отец Дини не позволил мне выдвинуться на эту должность – на моем счету было много выговоров. И я знал, что не стоит ему перечить. Если я хочу вести за собой, то вести надо по правильному пути. Я старался позаботиться о тех, над кем в школе насмехались. Я понимал, что они чувствуют. Я брал с собой какого-нибудь новичка, и мы вместе ехали домой, я еще останавливался в районе угольной шахты, чтобы видели, что этот парень со мной. На выпускной я отправился с девушкой, но заодно взял с собой одного из младших учеников.

Самых значимых результатов я добивался в спорте. В выпускном классе я был лучшим бомбардиром в школьной команде, которая не знала ни проигрышей, ни ничьих, и на поле я всегда был уверен в своих силах. Я всегда хотел получить мяч. Когда мы в последний раз играли за нашу школу на поле филиладельфийской школы «Френдз Централ», мы оказались в шаге от легкой победы, когда мяч достался нам, а от четвертой четверти оставалось всего несколько минут. Я помню, как наш квотербек Билл Питерман сказал: «Вот что, ребята, мы последний раз за нашу карьеру владеем мячом. Каждый из нас получает мяч один раз, у каждого один шанс». Вместе с квотербеком нас тогда на задней части поля было четверо. Он повернулся ко мне:

– Ты первый, Джо. – Мы были в сорока пяти ярдах от линии ворот. Я думаю, Питерман решил, что больше шансов на тачдаун будет у того, кто получит мяч последним, поэтому он и предложил начать остальным.

– Хорошо, я возьму мяч первым. Но ты этот мяч обратно не получишь, Питерман. – Я, похоже, пробежал 110 ярдов, петляя от одной боковой линии к другой, и не остановился, пока не добрался до цели.

Однако больше всего я горжусь тем, чего я добился в Арчмере в самой сложной для себя области. На второй год учебы в Арчмере я встал на утреннем собрании перед всеми собравшимися и выступил с пятиминутной речью. Никаких оправданий, никаких освобождений, я сделал это, как все остальные. И на нашем выпускном, в июне 1961 года, я поднялся на сцену и произнес приветственную речь, обращенную к друзьям и родителям, и ни разу не начал заикаться. Это стало для меня окончательным подтверждением того, что заикание меня не останавливает.

Я победил свое заикание: мне потребовалось для этого много потрудиться, и мне помогли учителя и моя семья. Но нельзя сказать, что я просто сбросил этот тяжелый груз и пошел дальше налегке. Это бремя меня больше не тяготит, но оно всегда со мной, как мерило, как напоминание о том, что каждый несет свою собственную ношу – и у большинства ноша тяжелее

моей, – и никто не заслуживает быть униженным из-за своего бремени, и никто не должен нести его в одиночку.

Глава 2 Нейлия

Многое мы выражаем без слов или читаем между строк. Этому я научился, когда стал родителем-одиночкой. Я никогда не считал планирование и полноценно проведенное вместе время универсальным решением всех родительских проблем. Самые теплые воспоминания, связанные с воспитанием детей, – это те случайные моменты, когда мы просто были рядом. Помню, как мы остановились погулять в парке неподалеку от нашего дома в Норт-Стар. Я был за рулем своего открытого «Корвета», и Хантер, мой четырехлетний сын, ехал у меня на коленях. Прежде чем подхватить его и пойти к качелям, я сказал ему, как и сотни раз прежде, без особой причины: «Я люблю тебя, малыш».

Хантер посмотрел прямо на меня, поднял руки и широко развел их: «Я люблю тебя больше всего на свете, папа».

В тот момент мы были вместе, и это было выражением не только любви и уважения друг к другу. Дети подражают взрослым, которых они видят, и имитируют их поведение. Семейные ценности нужны им как воздух. Как любит говорить моя мама: «Дети обычно становятся такими, какими ты хочешь их видеть».

Еще одно яркое воспоминание связано у меня с Хантом. Это произошло примерно пару лет спустя. Однажды, когда мы гуляли, я спросил его: «Итак, Хантер, кем ты хочешь стать, когда вырастешь?»

«Хочу быть важным». Я знал, о чем он говорит.

Когда осенью 1961 года началась моя учеба в Делавэрском университете и нужно было выбрать специализацию, я выбрал особенно интересовавшие меня предметы: политологию и историю. И я планировал продолжить учебу в школе права. Эта идея пришла мне в голову весной 1960 года в библиотеке Академии Арчмер. В тот год Джон Кеннеди был молодым сенатором от Массачусетса и собирался выдвигать свою кандидатуру на пост президента от Демократической партии. В случае успеха он стал бы первым президентом-католиком со времен Эла Смита, и хотя многие говорили, что американцы никогда не выберут католика, Кеннеди это не смущало. «Я отказываюсь верить, что в тот день, когда я принял крещение, я утратил право стать президентом», – публично заявил он в своем обращении незадолго до своей решительной победы в праймериз в Западной Вирджинии. Моя мать, ирландка по происхождению, была потрясена.

Вряд ли у Кеннеди и Байденов было много общего. Отец Кеннеди был одним из богатейших и известнейших людей в стране. Я видел фотографии. Я знал, что Хайаннис-порт не похож на Мейфилд. Сенатор Кеннеди симпатичен мне вне зависимости от своего богатства. Моя семья никогда не верила, что усердный труд ведет к обеспеченной жизни. Мы всегда скептически относились к старой кальвинистской идее, что благочестие вознаграждается земными благами.

Но очаровали меня не харизма и уверенность Кеннеди, и не его прекрасная жена и идеальные дети. Все это казалось естественным. И также не его молодость или энергия. И даже не новизна его идей. На самом деле в инаугурационной речи 1961 года меня поразила не столько эта новизна, сколько то, что его идеи были созвучны с уроками в школах Святого Павла, Святого Розария и Арчмере, и, в особенности, у меня дома. Кеннеди напомнил нам, что благие дела на земле следует творить потому, что это наш долг: «С чистой совестью, нашим единственным несомненным вознаграждением после окончательного суда истории над нашими поступками, – сказал он на закрытии церемонии в тот день, – пойдём вперед, направляя любимую страну,

прося Его благословения и Его помощи, но зная, что здесь, на земле, дело Божие поистине должно быть нашим делом».

Его слова стали лишь открытым подтверждением того, что я узнавал по мере взросления: наивысшие наши ценности – равенство, справедливость, истинное правосудие – мы защищали ради себя, а не ради Бога. Я уверен, что для меня, как и для многих людей моего поколения, президент Кеннеди напомнил, что наш долг состоит в том, чтобы сделать мир лучше. И это было нечто, о чем я уже задумывался.

В старших классах, как и у всех подростков, у меня в голове крутились пара фантазий в стиле Уолтера Митти⁷. Одной из них была мечта стать профессиональным футболистом. Другая – заслужить общественное признание, вершить великие дела и войти в историю, сделав что-то хорошее. Нужно было еще постараться, чтобы понять, какая из них была более несурьезной. Когда я перешел в старшую школу, я весил 140 фунтов⁸, а политические связи моей семьи не распространялись даже на местный школьный совет.

Но эти отрезвляющие факты не охладили моего юношеского пыла. Во время самостоятельных занятий ближе к концу третьего года обучения в Арчмере я пошел в библиотеку, достал «Справочник Конгресса» и начал просматривать биографии. Я хотел знать, кем были эти мужчины и женщины, которые попали в Вашингтон. Как им это удалось? Мне бросилось в глаза то, что в большинстве своем это были выходцы из зажиточных семей с положением в обществе. Те же, кто проложил дорогу самостоятельно, в основном были юристами. Это и определило мой курс.

Вероятно, в первый год учебы в колледже я слишком увлекался футболом и знакомствами с девушками, которых вокруг было много. После суровых условий Арчмера в колледже было легче. В любом случае я не выделялся на фоне других. Когда появились мои оценки за первый семестр, отец и мать сказали, что я не буду участвовать весной в футбольных соревнованиях. Отец не хотел, чтобы я провалил учебу: «Помни, Джоуи, ты должен вести себя как студент. Никто не сможет отобрать у тебя твою степень». Однажды отец зашел в мою комнату в общежитии и увидел, что, надев бейсболку, я развалился на кровати. В комнате был беспорядок, и повсюду валялись украденные дорожные знаки. Ни одного открытого учебника видно не было. «Так вот, значит, – покачивая головой, произнес он, – что такое “колледж”».

⁷ Уолтер Митти – герой рассказа Джеймса Тербера. В своих мечтах Уолтер Митти уносится далеко за пределы скучной реальной жизни. – *Примеч. ред.*

⁸ 63,5 кг. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.